

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА: ОБОБЩЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Состояние российской науки в конце XX и начале XXI в. во многом определяют ее женские кадры. Но удастся ли им в полной мере реализовывать себя на этом поприще? Легко ли строится их научная карьера? С какими барьерами они сталкиваются? Как представлены женщины-ученые в своих научных сообществах, органах управления, в фондах, финансирующих научные исследования? Какова мера влияния женщин на научную политику в науке будет к концу первой четверти века работы в условиях радикального сокращения государственных расходов на поддержку академического знания?

Возможность беспрепятственного вхождения в науку появилась у наших соотечественниц исторически раньше, чем в европейских странах и США. Уже в 1917—1920-х гг. были приняты законодательные акты, утверждавшие равенство мужчин и женщин в выборе профессии. Это предполагало и возможность научной деятельности. Ныне большинство женщин дают положительный ответ на вопрос «Имеют ли женщины в РФ равные с мужчинами права на *доступ* к образованию?» (71,8 %) [16, с. 103]. Однако предположение о том, что если женщины будут иметь равный доступ, то станут и активнее в получении научных степеней пока не оправдалось [35, с. 201], хотя динамика в целом положительная (табл. 1).

Таблица 1

Годы	1940	1960	1970	1980	1985	1990	1992
Процент женщин в науке	42	42	47	52	52	53	52,9

К моменту распада СССР женщин — научных работников в нашей стране насчитывалось 609 тыс. чел. 27 % из них, согласно данным массовой печати, имели кандидатскую и докторскую степени (в абсолютных цифрах — 164 тыс. чел.). За десять лет эта пропорция изменилась. К 2002 г. численность научных работников в целом уменьшилась в 3 раза и составила всего 740 тыс. чел., из них более половины — женщины (419 661 чел.) [17, с. 188]. Если в институтах технического профиля женщин десятилетие назад трудилось 15 %, то в гуманитарных они составляли половину и больше [21, с. 113].

Изменения в положении женщин в науке за последние 20 лет «замерять» трудно, поскольку современные статистические источники не выделяют «научных работников», а ведут учет всех «специалистов с высшим образованием, выполняющих научно-исследовательские, проектно-конструкторские и технологические работы» [19, с. 4—5]. Если в 1991 г. количество женщин, работающих в науке, составило 51 %, то к 2000 г. — 63 % от всех научных сотрудников (но подсчеты удалось сделать только по работающим в гуманитарной сфере [40; 27, с. 698].

По всем группам институтов отток женщин из сферы научной деятельности в иные, если отмечался, был менее заметный, чем отток мужчин, и начался он позднее. В ряде институтов за прошедшие 20 лет продолжался рост численности женщин, в то время как численность мужчин либо стабилизировалась, либо уменьшалась. Несмотря на феминизацию в целом, число женщин на верхних ступенях научной иерархии (звания,

должности) остается ничтожным (2,9 %), причем каждая пятая женщина, занятая в сфере науки, это лаборантка [43, с. 167]. Такой показатель феминизации науки — показатель феминизации бедности [2, с. 92].

В известной степени причиной тому — ценностные ориентации женщин и их отличия от аксиосферы мужчин. Для большого числа представительниц старшего поколения тружеников науки «работа» — существенная, а порой и наибольшая ценность наравне с «семьей» (у мужчин — «друзья»). Весьма значимо (на втором месте) для женщин в возрасте от 25 до 40 лет и «свободное время» [13, с. 130]. Работа в сфере науки всё это женщинам обещает. В оценке суждения «Иметь работу — лучший способ быть независимой» мнения разделились по возрастным когортам: согласные с этим — женщины «старого воспитания», ориентированные на материальную независимость прежней советской системой. Молодые же научные сотрудницы не считают независимость ценностью и ожидают помощи от мужей. Для некоторых из них работа в НИИ — желание «пересидеть» время «незамужности», получая какую-никакую зарплату и имея свободное время на поиски спутника жизни (высокооплачиваемого друга им в научной среде не найти, зато есть время на поиски). Данный вариант — показатель скрытой безработицы [44, с. 5—6].

Женщины-ученые исполнительнее, трудоспособнее, организованнее мужчин, но в условиях роста социального эгоизма, вызванного переходностью времени и общественными кризисами, они больше страдают от неумения воспользоваться своими правами [3].

Признанной в научном сообществе женщине стать очень сложно. На высшем уровне научной иерархии женщины в 2000 г. в России составляли: среди докторов наук — 20 %¹, среди членов-корреспондентов РАН (их 604) — 15 %, среди академиков (их 442) — 1,3 % (6 чел.) [26, с. 69]. В РАО число женщин-академиков выше, но и там мужчины составляют больше двух третей действительных членов. Из 51 члена ВАКа, избранных в 1999 г., лишь 3 женщины (5,8 %), в составе его Президиума — 2 женщины на 26 человек мужчин [8, с. 2—3]. Женщины дискриминированы в нашей стране и в плане доступа к управлению научными фондами [47, с. 49].

В Совет РГНФ (Российского гуманитарного научного фонда), который решает вопросы финансирования новых научных проектов, входит только одна женщина — академик Т. И. Заславская (хотя среди рядовых экспертов число женщин больше) [38, 39]. Женщины слабо представлены в органах управления наукой и высшей школой. Они редко возглавляют крупные научные коллективы, являются деканами факультетов, а тем более ректорами вузов. Среди заведующих лабораториями женщин лишь 19 %, среди заместителей директоров — 4 %, собственно руководителей — 2 %. «Женщина использует лидерские средства... исподволь, поскольку крик и жесткий командный голос мужчины рассматриваются как нормальное явление, а женщины — как несдержанность и проявление женской слабости» [49, с. 83] (см. также: [7, с. 64]). В российской науке востребован мужской стиль управления, а отличие его от женского давно известно (и приведено в интервью Е. А. Калининой, ректора международного института «Женщины и управление»): «Мужчина ориентирован на решение задач, а женщина — на человека, которому нужно решить эти задачи» [29, с. 3].

Те же диспропорции — на обычном городском уровне. По подсчетам 2000 г. в Санкт-Петербурге 40 % научных работников составляют женщины. Если же распределить эти 40 % по ученым степеням и должностям, то всплывет на поверхность известная любому феминистскому исследователю закономерность: чем выше ступень служебной лестницы, тем меньше там женщин. Женщин — научных сотрудников без ученой степени

---

¹ В том числе среди докторов географических наук — 13 %, химических наук — 19 %, исторических наук — 24 %, биологических наук — 28,4 %, педагогических наук — 30 %, фармацевтических наук — 30,7 %, психологических наук — 34,1 %, филологических наук — 36,4 %, докторов искусствоведения — 37 % [30, с. 91].

52 %, младших научных сотрудников — 57 %, и в анонимных опросах они честно указывают, что не удовлетворены своим положением, 31 %) [43, с. 170].

Доходы и расходы семей работников науки и женщин в них по качественным параметрам *хуже* соответствующих показателей у других категорий работников: если доходы работников науки ниже среднедушевых по стране примерно на 1/4, то женщинам-ученым, которые редко занимают руководящие посты, приходится довольствоваться еще меньшим [10, с. 75].

Фонды при распределении грантов учитывают, казалось бы, объективные показатели: количество публикаций (их у мужчин больше), научное имя (оно часто означает скрытые формы связей с одним из членов экспертного совета, которые у мужчин-руководителей обширнее, чем у женщин, реже занимающих командные должности). Вот почему гендерная асимметрия воспроизводится и тут. Женщин, полностью удовлетворенных грантовой научной политикой (а сюда входят и стажировки за рубежом), в начале 1990-х было всего 5,3 %, совершенно недовольных и категорически несогласных с дискриминацией — 64,9 % (впрочем, и среди мужчин было 43,3 % недовольных) [43, с. 172].

По сравнению с претендентом-мужчиной женщина-ученая должна чаще публиковаться и иметь в целом в 2,6 раза большую научную производительность, чтобы быть оцененной как «равнокомпетентная». Эти подсчеты шведских социологов, опубликованные в журнале «Nature» в 1997 г., вызвали активное обсуждение темы в СМИ [48]. Простые подсчеты аналитиков числа «женских» и «мужских» публикаций с 1924 по 2000 г. в одном из российских научных журналов («Почвоведение») показали, что если в довоенные годы число женщин-авторов самостоятельных, индивидуальных научных статей постоянно росло, то в послевоенное время появилась «странная» тенденция: большинство публикаций, рядом с которыми стояли женские имена, стали оказываться коллективными работами, а число авторских женских, индивидуальных — неуклонно снижаться. Но, несмотря на постоянное отставание женщин от мужчин по числу публикаций, их научный вес и цитируемость оставались высокими [45, с. 134]. В проектах, поддержанных РФФИ, в начале 1990-х гг. женщины составляли до 30 % руководителей проектных групп, подавших заявки (причем более всего в возрасте 51—55 лет) [17, с. 190; 4].

Практически нет женщин — докторов наук среди физиков, математиков, вообще в технических отраслях их несоразмерно меньше, чем в естественных и гуманитарных². Это проблема не только России, но и множества стран Европы, где на рубеже тысячелетий лишь от 5 до 10 % ответственных должностей в науке были заняты женщинами [33, с. 13]. Выдающийся французский историк Мишель Перро пишет: «В наши дни среди учащихся французских университетов студентки составляют 56 %. Обновление студенческой среды несет, казалось бы, много потенциальных возможностей. Однако они не всегда реализуются. Женщина-профессор долгое время была “нежелательной” фигурой, как показывает история выдвижения кандидатуры блестящего германиста Женевиэвы Бьянки на место профессора в Сорбонне и ее отвода под тем предлогом, что у Бьянки недостаточно сильный голос для лекционного зала. Первой женщиной-профессором стала в 1947 г. Мари-Жанна Дюри. В наши дни насчитывается 33 % женщин-преподавателей и только 13 % профессоров. История, наука, весьма почитаемая нашей национальной культурой, остается по преимуществу наукой мужской...» (цит. по: [52, р. 325]). По последним данным, в странах Европейского союза женщины составляют в среднем только 7 % среди тех, кто имеет звание полного профессора (от 5 % в Нидерландах до 18 % в Финляндии) [48], и далеко не во всех странах созданы организации, помогающие женщинам в науке (таковая есть,

---

² Правда, среди 28 женщин-академиков и членов-корреспондентов Российской академии наук 2/3, тем не менее, специализируются в области естественных и технических наук и лишь 1/3 — в области гуманитарных и социальных наук [32].

например, в Чехии, где в числе профессоров только 9,2 % женщин [22]). По данным Европейской комиссии «*She-Figures 2006*», в указанном году 43 % докторских степеней принадлежало женщинам, но только 15 % из этих женщин заняли высокие посты в научном мире [53].

Очевидно: несправедливость.

Ясно: женщины-ученые должны протестовать...

Но этого не происходит. Несмотря на нищенские зарплаты в институтах РАН и РАО (зарплаты вузовских преподавателей повыше, но и они не достигают уровня прожиточного минимума в стране), научные работницы во всех опросах подчеркивают, что «удовлетворены своей работой» (90,1 %), т. к. под удовлетворенностью понимают не достаточность зарплаты, а оценку своих научных достижений, возможность заниматься творческим трудом. Такое благодущие обнажает и конформизм женщин-ученых, среди которых в настоящее время преобладают те, кому за 40 и кто проработал на своих рабочих местах 20 и более лет. Немаловажным для них является гибкий график работы, особая демократическая атмосфера университетов и институтов, творческая свобода, относительная социальная защищенность. Их мало интересуют вопросы должностного роста, и они и в 50 лет готовы числиться старшими лаборантками, ассистентками, младшими научными сотрудниками.

Их 30—40-летние сослуживицы не покидают университетов и институтов потому, что престиж сотрудника НИИ РАН плюс гибкий график занятости дают возможность иметь дополнительную работу, часто более высокооплачиваемую, с более высоким статусом. Иногда они ездят на 2—3 месяца за границу — по приглашениям, грантам. Таким образом, молодые сотрудницы, для которых профессиональная и должностная карьера в науке — важные жизненные ценности, кто активен, творчески одарен, нацелен на достижения, оказываются недооцененными и невостребованными по месту основной работы. И таковых более половины [43, с. 174]. Свои институты они вынужденно рассматривают как некий «порт приписки».

Для женской молодежи (до 30 лет) выстраивание научной карьеры — дело нелегкое, при прочих равных возможностях на перспективные должности берут мужчин. Даже в числе аспиранток, удовлетворенных условиями написания диссертационной работы, таковых всего 11 % [43, с. 172]. С женщиной—претенденткой на научную должность часто ведут кулуарные разъяснительные беседы, в ходе которых ей предлагается «уступить» [37, с. 113].

Основной рубеж в женской научной карьере — при переходе на должности профессора, ведущего и главного научного сотрудника. Именно на этом этапе отношение к ним выражается словами: «Эти могут подождать», что приводит к снижению женской трудовой активности, к желанию реализовать свой творческий потенциал за пределами НИИ. На неравную борьбу с начальством за повышение должностного статуса, обрекая себя на стресс и морально-психические перегрузки, решаются единицы. Стремление женщин к должностному росту купируется, а начальство отдает предпочтение тем, кому «ничего не надо» — безынициативным сотрудницам, которые, хотя и мало что вносят в науку, зато ничего для себя не требуют [36].

С начала реформ 90-х гг. сектор социологии науки Института истории естествознания и техники начал долговременное исследование изменений, происходящих в коллективах НИИ [5]. В рамках этой программы в 1994, 1996, 1998 и 2001 гг. проведены четыре эмпирических исследования, однако... в вопроснике не содержалось тем, связанных с гендерными асимметриями. Между тем вопрос остается актуальным: в октябре 1996 г. в ходе пилотажного опроса участниц семинара «Женщины в российской науке» предлагалось ответить: «На каких этапах своего жизненного научного пути Вы испытывали дискриминацию по признаку пола?» Большинство опрошенных женщин указали: «на всех». Речь шла о неадекватной оценке их творческого вклада в науку, ущемлении их авторских прав при подготовке к публикации совместно выполненной с

мужчинами работы. Одна из женщин, в частности, отметила: «При подготовке главы в монографию и большого раздела в учебное пособие были использованы мною подготовленные рукописи, но я не попала в авторский коллектив. В тот период я была ассистенткой кафедры, кандидатом медицинских наук. В знак протеста я ушла с кафедры в другой НИИ...». Такая практика игнорирования творческого вклада женщин-ученых не является результатом лишь нынешнего кризисного состояния российского научного сообщества. Можно привести множество случаев дискриминационного отношения к женщинам, долгие годы совместно с мужчинами разрабатывавшим научную проблему и не отмеченным высоким научным признанием [1].

Сопоставляя среднюю степень мобильности женщин-ученых в 1990-е гг. и в начале XXI в., английские социологи (проект Совета по экономическим и социальным исследованиям Лидского университета) пришли к выводу, что она падает: «Представительницы прекрасного пола, однажды избравшие для себя эту область деятельности, становились все старше и все чаще отдавали предпочтение более стабильной работе в промышленности или на “тихих” административных должностях» [41]. Те же наблюдения были характерны для стран Восточной Европы [18]. В середине 1990-х российские социологи сделали вывод о тяжести «кадрового балласта» в системе РАН (до 90 % в гуманитарных науках и до 60 % в науках негуманитарных). Ситуация эта сложилась, по словам аналитиков, по причине сравнительно привилегированного положения научных работников на рынке труда: будучи не самой высокодоходной, но все же неплохо оплачиваемой социальной группой, чей средний доход чуть выше, чем средний по стране, многие представители научного мира имели всегда свободный график труда, позволяющий приработки. Различия с точки зрения качества жизни, доходов и, следовательно, потребительского статуса, содержания и уровня досуга у эффективных и неэффективных ученых оказались не очень существенными [5]. Так возникла идея резкого сокращения численности списочного состава НИИ РАН и доведения зарплаты оставшихся в ней до уровня, соответствующего 1000\$ в месяц [23; 34, с. 4].

Попали ли женщины в список лучших, много ли их оказалось причисленными к «золотому запасу» российской науки? Они имели шанс. Согласно обследованиям молодежи (данные по Приволжскому федеральному округу), мотивом поступления в аспирантуру и сейчас не менее чем для половины девушек является... престижность этой формы занятости. Даже в начале XXI века так ответившие составляли абсолютное большинство (58 %) высокомотивированных и ориентированных на продолжение научной деятельности аспиранток. Промежуточные результаты в академической деятельности (количество статей к защите, участие в конференциях, своевременность сдачи «минимумов») остаются высокими именно у женщин: они чаще находятся на иждивении родителей (или мужа) и не отвлекаются на подработки, то есть объективно имеют лучшие возможности уделять больше времени научной работе. Немалое значение имеет и внутренняя организованность аспиранток [28, 46, 12, 50]. Однако и для них характерна общая тенденция воспроизводства научных кадров в РФ в последние 10 лет: в аспирантуру и докторантуру поступают в разы больше желающих связать судьбы с наукой, нежели количество в итоге защитивших диссертации. И молодые люди, и девушки часто поступают в аспирантуру и даже сдают кандидатские минимумы, но завершают обучение, так и не защитившись. Аналогично — с докторантурой [20, с. 77].

Все участницы биографических опросов вспоминают о своих защитах диссертаций как о событии поворотном, некоей епифании (о термине см.: [51, с. 46]). От того, как прошла защита и каковы итоги работы, во многом зависит ответ на вопрос, состоялась ли научная карьера респондентки. Согласно опросам 1991 г., на поставленный вопрос о значимости защиты лишь жалкие 8 % женщин ответили утвердительно. При этом 41 % женщин считали, что карьера наметилась или состоялась частично, а половина опрошенных (50,5 %) пришли к выводу, что научная карьера им не удалась (мол, какое значение имеет защита?) [43, с. 174]. Причины этой грустной оценки у всех различны, но социологически

просматриваются такие из них, как «недостаточность уделенного времени и отданных сил» (перенаправленных в семью), «состояние здоровья», «отсутствие помощи со стороны коллег и научного руководителя». Важна и позиция мужчин: только 23,1 % респондентов-ученых согласны с тем, что женщины должны стремиться к тому, чтобы сделать научную карьеру [43, с. 178; 42, с. 152].

Прямо связана с темой удовлетворенности своей профессией и тема неоптимизированного возрастного состава работников РАН и вузов. Научноразработанной и обоснованной методики определения оптимальной половозрастной структуры научных и учебных подразделений, которая обеспечила бы максимально эффективный процесс обучения, воспитания и приобщения молодежи к научной работе, как не было, так и нет [6]. Женщины же являются группой работников, имеющей свои специфические проблемы, поэтому их социальное и профессиональное самочувствие должно стать объектом научного анализа, в частности социологических исследований, однако с 1990-х гг. эти проблемы считаются несущественными, «привнесенными с Запада», столь пекущегося о гендерном равенстве.

Отсутствие «подвижек», инерционность мышления в отношении женщин — научных сотрудников отразили ассоциативные опросы психологов конца 1990-х гг. и настоящего времени. Так, в 1998 г. в рейтинге мужских и женских качеств, характеризующих научного работника, на первом месте и у мужчин, и у женщин — профессионализм (63—64 % ответов). Но далее: на 2-м месте у женщин — ответственность (в мужском списке она на 5-м месте), у мужчин — предприимчивость (занимающая в женском 9-е место) [6]. Совсем иные качества женщины — научного работника отметили респонденты через 5 лет: ум на первом месте (53 % испытуемых); далее: целеустремленность (47 %), коммуникабельность (33 %) [14]. Примечательно, что общественное мнение все больше увязывает с образом *успешной* женщины-ученой традиционное представление о внешней привлекательности (более 30 % ответов), хотя ранее в женщинах ценилась ответственность в выполнении порученного дела.

В апреле 2004 г. «женский вопрос» в нашей стране в очередной раз был объявлен решенным: в составе Постановления от 16 апреля 2004 г. «Об упорядочении состава координационных, совещательных, иных органов и групп, образованных Правительством РФ» содержалась строка о необходимости ликвидации Комиссии по делам женщин при Президенте РФ [31]. Однако было бы слишком хорошо, если бы Комиссию уничтожили по причине решенности тех вопросов, которые она рассматривала. Ничего этого не случилось. Незадолго до Постановления в статье «Заметки к 8 марта 2003 года» академик В. Я. Гинзбург привел удручающие цифры: в то время как в Национальной академии наук США женщины составляют хотя бы 7,1 % (134 из 1874 членов), а в Президиуме ее — почти 1/5 часть (5 чел. из 23), ситуация расценивается американцами как недопустимая, дискриминирующая, у нас же при куда более шокирующих цифрах (женщины и тогда составляли на олимпе академической власти лишь около 2 %), «ненормальность того, что количество женщин в РАН ... менее 3 процентов, совершенно не осознана и не обсуждается» [11]. Та же диспропорция была характерна для национальных академий постсоветского пространства [54].

Последние выборы в РАН 2008 г. несколько увеличили число женщин на академическом олимпе: в составе действительных членов РАН — на 1 чел. (в числе 504 членов РАН стало 9 женщин, а не 8), в составе членов-корреспондентов — на 6 чел. (ныне их 30 в числе 758). Только 4 женщины из этих 39 (академиков и членов-корреспондентов) не достигли возраста 50 лет, то есть проходили по специальному списку баллотировки «для молодых»).

Однако — как и ранее — ни одна из женщин — членов Академии уже многие годы так и не входит в состав Президиума РАН [9]. Для сравнения: в настоящее время в Китае насчитывается более 600 действительных членов Академии наук Китая, среди которых 41 женщина-академик, при этом, правда, возраст 9 женщин-академиков старше 80.

**Женщины — члены-корреспонденты и действительные члены
АН СССР и РАН по отделению истории (1917—2009)**

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Возраст избрания в члены- корреспонденты	Год избрания в академики	Год смерти
Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна	1874	55 лет (1929)		1939
Панкратова Анна Михайловна	1897	42 года (1939)	56 лет (1953)	1957
Нечкина Милица Васильевна	1901	52 года (1953)	57 лет (1958)	1985
Удальцова Зинаида Владимировна	1918	58 лет (1976)		1987
Алексеева Татьяна Ивановна	1928	59 лет (1991)	72 года (2000)	2007
Бужилова Александра Петровна	1960	48 лет (2008)		

Примечание. В скобках указан год.

Из таблицы 2 видно, что успешные выборы женщин в Академию наук в нашей стране и по нашей специальности случаются с временным «шагом» примерно в 20 лет и что сейчас среди более чем 50 действительных членов и членов-корреспондентов РАН по отделению истории есть только одна женщина, А. П. Бужилова (выбранная, кстати, по той же специальности — *физическая антропология*, — по которой присутствовала в этих списках умершая накануне выборов ее предшественница и, кстати, ее научный руководитель Т. И. Алексеева).

Даже в составе научного персонала РАН доля мужчин повышена (60 % против 40 % женщин). Это типично и для Москвы, и для регионов. При этом в негуманитарном сегменте доля мужчин составляет около 64 %, женщин 36 %, тогда как в гуманитарном сегменте соотношение обратное — женщин 55 %, мужчин 45 %. Доля мужчин в составе эффективного кластера — около 74 % (в кластере «помощников» — 69 %), а в неэффективных кластерах доли мужчин и женщин примерно равные. Это означает лишь то, что неэффективные кластеры также очевидно феминизированы по сравнению со средним гендерным составом РАН в целом [5].

Размышляя обо всех этих цифрах, трудно не вспомнить часто цитируемый в блогах тезис о том, что «статистика — скользкая вещь, ибо разные источники могут привести совершенно разные цифры; она — как купальник бикини: конечно, интересно то, что она показывает, но гораздо интересней то, что она скрывает». Действительно, помимо представленности (личной) в науке, есть еще и такой демократический показатель, как индекс цитируемости. Как обстоит с цитируемостью работ, написанных женщинами? Поскольку такие списки действуют лишь в отношении негуманитарных наук, вполне понятно соотношение: из 2287 российских ученых, чьи работы цитируются во всем мире, высокий индекс цитируемости лишь у 188 женщин [24, с. 5]. Отделенность управления научной политикой РФ от стран ЕС обернулась тем, что выделенные Брюсселем 2 млн долларов на программу «Женщины-ученые» просвистели мимо россиянок: в VI Рамочной программе ЕС 2005 г. участвовали лишь несколько столичных российских университетов. Между тем одним из условий выделения денег под проект было участие в нем женщин в количестве не меньшем чем 40 % общего списочного состава [15].

Наши университеты и НИИ на такие «жертвы» не пошли.

Библиографический список

1. Агамова Н. С., Аллавердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2000. № 1. С. 141—153.
2. Аллавердян А. Г., Агамова Н. С. Суперфеминизация российской науки // Женщины в фундаментальной науке. СПб., 2000. С. 91—94.
3. Аллавердян А. Г., Агамова Н. С. Тенденция феминизации российской науки // Общество поддержки женщин-ученых. 2004. № 4. С. 8—10.
4. Алфимов М. В., Минин В. А., Мирабян Л. М. О конкурсах, о грантах и ученых, которые их получают // Поиск. 2000. № 2. С. 4.
5. Белановский С. Оценка состояния РАН (2005 г.) // Полит.ру. 2005. 15 дек. URL: <http://www.polit.ru/dossie/2005/12/15/ran.html>
6. Беляева Г. Ф., Горшкова И. Д. Профессиональные проблемы женских научно-педагогических кадров МГУ // Центр социологических исследований МГУ. 1998. 13 дек. URL: <http://www.owl.ru/win/research/msu.htm>
7. Бендас Т. В. Гендерные исследования лидерства // Вопр. психологии. 2000. № 1. С. 64—72
8. Бюллетень Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации. М., 1999.
9. В Академии наук всего 9 женщин-академиков и 30 членкоров. URL: <http://www.polit.ru/science/2009/03/08/ras.html> (дата обращения: 28.01.2010).
10. Волкова Т. А. Доходы и потребление работников интеллектуального труда // Экономист. 1993. № 11. С. 71—76.
11. Гинзбург В. Л. Удельный вес прекрасной половины : заметки к 8 марта 2003 года // Лит. газ. 2003. 28 февр. — 4 марта. С. 11.
12. Гохберг Л. Кадровый потенциал российской науки // Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 8—21.
13. Гусейнова Л. А. Поиск эффективных подходов к переходу России на устойчивое развитие: особенности социокультурной эволюции ценностных ориентаций женщин на работе и в семье в современном обществе // Служба кадров. 1997. № 11. С. 129—132.
14. Емельянова Т. П., Щавелева М. А. Социальные представления о женщине — научном работнике (2003). URL: <http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html> (дата обращения: 28.09.2010).
15. Женщин-академиков все еще слишком мало // Союз. Russian Baltics in European Union. 2005. 29 марта. URL: <http://www.ruseu.org/print.php?id=1284> (дата обращения: 28.09.2010).
16. Женщина новой России : какая она? Как живет? К чему стремится? / под ред. М. К. Горшковой, Н. Е. Тихоновой. М. : Рос. полит. энцикл., 2002. 168 с.
17. Женщины-ученые Санкт-Петербурга в условиях грантового финансирования / Н. И. Диденко, А. Б. Петровский и др. // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб., 2002. С. 240—247.
18. Йоган М. Возможности карьеры для женщин-ученых и явный и скрытый сексизм в словенском обществе (1945—1991) // Высшее образование в Европе. Бухарест, 1992. Т. 17 (2). С. 114—130.
19. Кадры науки России // Информ. бюл. / Центр исследований статистики науки. 1992. Т. 5. С. 4—5.
20. Казаринова С., Караева Л., Шепелева О. Анализ формирования и использования кадрового потенциала науки в Российской Федерации // Вопр. статистики. 1995. № 2. С. 72—79.
21. Куперитох Н. А. Динамика численности женщин-ученых : (на материалах Сибирского отделения РАН) // I Всесибирский конгресс женщин-математиков : (к 150-летию со дня рождения С. В. Ковалевской) : тез. докл. Красноярск, 2000. С. 113—115.
22. Линкова М. «Наука пока опирается на мужские ценности» // Футурумтур. 2003. 9 авг. URL: http://futurumtour.com/che/che_04_95.php
23. Малахов А. Академическая дисциплина по-русски // Деньги. 2004. № 41 (496). 18 окт.
24. Миримов И., Штерн Б. От целого к частному // Троицкий вариант. 2009. № 5 (24). С. 5.
25. Мирская Е. З. Вот мы какие. Изменение самосознания академических ученых. URL: <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0267/3600.htm> (дата обращения: 28.09.2010).
26. Мирская Е. З., Мартынова Е. А. Женщины-ученые: проблемы и перспективы // Социальная динамика современной науки. М. : Наука, 1995. С. 60—81.

27. *Мирская Е. З., Мартынова Е. А.* Женщины в науке // Вестн. РАН. 1993. Т. 63, № 8. С. 690—698.
28. Многомерная типология аспирантов / С. С. Балабанов, Б. И. Бедный, Е. В. Козлов, Г. А. Максимов // Excellion!: информ. портал. 2003. URL: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/12481897.html> (дата обращения: 05.06.2010).
29. *Насонкина М.* Женское счастье — это не так просто, как кажется мужчинам // Невское время. 2000. № 125 (2248). 13 июля. С. 3.
30. Наука России: 1994. М. : ЦИСН, 1995. 330 с.
31. Об упорядочении состава координационных, совещательных, иных органов и групп, образованных Правительством Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2004 г. URL: http://www.government.gov.ru/data/news_text.html? (дата обращения: 28.09.2010).
32. Отчет о научных кадрах РАН за 1999 г. М. : Наука, 1999. 289 с.
33. *Петров Р. В.* Международная премия «Женщины в науке» // Наука в России. 2000. № 2. С. 13—14.
34. *Петухов С.* Воспаление РАН : реформа науки приняла форму протеста // Коммерсант. 2005. № 66 (3150). 14 апр. С. 4—5.
35. *Прокофьева Л., Фести П., Мурачева О.* Профессиональная карьера женщин и мужчин // Вопр. экономики. 2000. № 3. С. 74—85.
36. *Пушкарева Н. Л.* Женщины в российской науке: два столетия дискриминации // Женщина +. 2004. № 3 (31). С. 46—54.
37. *Пушкарева Н. Л.* Этнография современной российской науки: гендерный аспект // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : Вариант, 2007. С. 111—133.
38. Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 1997 г. № 1733-р // Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. 1998. № 1. С. 122—129.
39. Распоряжение Правительства РФ от 6 июля 1999 г. № 1082-р // Там же. 1999. № 4. С. 78—81.
40. *Сатерленд М. Б.* Женщины и образование : прогресс и проблемы // Перспективы: вопр. образования. 1992. № 4. С. 24—34.
41. *Светина Б.* Летающий профессор : почему исследователей Европы тянет к чужим берегам? // Поиск. 2004. 11 апр. С. 7.
42. *Симакова Н. В.* Женщины-интеллигенты в меняющемся обществе // Интеллигенция в социальных процессах современного общества. М. : Наука, 1992. С. 151—165.
43. *Симакова Н. В.* Женщины-ученые и перестройка // Интеллигенция и перестройка. М. : РОСПЭН, 1991. С. 167—181.
44. *Соколова Г.* Феминизация науки и интеллектуальной сферы // Иной взгляд. 2000. № 3. С. 5—6.
45. *Сычева С. А.* Гендерный подход к оценке печатной продукции ученых // Науковедение. 2002. № 4. С. 134—137.
46. *Терехов А. И.* Особенности формирования кадрового потенциала российской науки: «диссертационная» модель научной карьеры // Там же. 1999. № 2. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/XCIBLOG/DISS/DISS.HTM> (дата обращения: 28.09.2010).
47. *Трон Э. А., Фокичев Ю. Н.* Женщины в Академии наук : (Северо-Западный регион России) // Женщины в фундаментальной науке. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. политех. ун-та, 2000. С. 119—128.
48. *Троян В.* Женщина и наука: подруги или соперницы? // Зеркало недели. 2002. № 1 (376). 5 янв. С. 3.
49. *Шевченко О. А.* Специфика женского лидерства : (по материалам глубинных интервью) // Вариации на тему гендера / под ред. И. И. Юкиной. СПб., 2004. С. 83—93.
50. *Юревич А. В.* Неравное равенство: расслоение российского научного сообщества // Науковедение. 2002. № 3. С. 57—74.
51. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Нарративный анализ в социологии // Социол. журн. 1997. № 3. С. 46—52.
52. *Rossister M. W.* The Matthew Mattilda Effect in Science // Social Studies of Science. 1993. Vol. 23, № 2. P. 325—341.

53. She Figures 2006. Women and Science. Statistics and Indicators. URL: http://ec.europa.eu/research/science-society/pdf/she_figures_2006_en.pdf (дата обращения: 15.09.2010).
54. VIP-жінка української науки // Україна молода. 2008. № 121. 4 июля. URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1195/169/42466> (дата обращения: 15.09.2010).